

На крыльях любви

А. П. ЯНОВСКИЙ

ЯНОВСКИЙ Алексей Павлович — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института систематики и экологии животных СО РАН (Новосибирск). Занимается исследованием адаптаций птиц к антропогенным изменениям условий среды. Автор научно-популярных публикаций в СМИ и экологических изданиях

*Словно тысячи весен назад
Птицы с юга на север летят.
Не хотят задержаться нигде,
Все торопятся к талой воде...*

Фото А. Юрлова (ИСиЭЖ СО РАН, Новосибирск)

ПТИЦЫ ИЗНАЧАЛЬНО — ЭКСТРЕМАЛЫ, ЭКСПЕРИМЕНТАТОРЫ. ВЕДЬ ТОЛЬКО САМЫЕ ОТЧАЯННЫЕ СУЩЕСТВА, ЕЩЕ НЕ НАУЧИВШИЕСЯ ТОЛКОМ БЕГАТЬ, СПОСОБНЫ БЕЗ ВСЯКОЙ ТРЕНИРОВКИ РИНУТЬСЯ С ОБРЫВА ИЛИ С ДЕРЕВА И ПОЛЕТЕТЬ НАД ЗЕМЛЕЙ. СТРЕМЛЕНИЕ ИСПЫТЫВАТЬ НА СЕБЕ РАЗНЫЕ СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ К СРЕДЕ И ДРУГ К ДРУГУ У ПТИЦ — В КРОВИ

В незамысловатых словах этой давней песни довольно полно и точно передана картина весенней миграции птиц: повторяемость, неотвратимость прилета пернатых и синхронность его с продвижением на север сезонного потепления, оживляющего местность.

Главное, для чего птицы возвращаются в северные широты, — воспроизводство, выведение потомства. Обширные пустоши, заболоченные и лесистые просторы с изобилием кормов и убежищ для молодняка — все это привлекает в наши сибирские края множество видов птиц. Верность родине, стремление вернуться к прежнему гнезду, особенно, если в нем год назад все получилось «как надо», — характерное свойство птичьей «натуры».

У большого кроншнепа — действительно самого большого из наших куликов (масса тела до 1.2 кг!) — самец и самка насиживают кладку поочередно, а потом вместе заботятся о выводке до подъема молодых на крыло.

Фото А. Юрлова

Ромео и Казановы

Среди восьми тысяч видов птиц, обитающих ныне на планете, в ходу самые разные формы брачных взаимоотношений. Однако, в отличие от колоссального числа видов других животных, практикующих главным образом беспорядочные, скоротечные или непостоянные связи, огромное большинство птиц предпочитает *моногамию* (единобрачие). Хотя бы временную — на период выведения и выкармливания птенцов, в чем они находят понимание со стороны большинства людей. Ведь в одиночку уберечь кладку, выкормить птенцов, научить их уму-разуму в современном мире ох как непросто!

Впрочем, среди птиц и *полигамов* (многоженцев) предостаточно. Помнится, как коллега отлавливал для мечения одного на редкость любвеобильного скворца, успевшего пением и действиями угодить трем самкам, гнездившимся в соседних скворечниках. А бывает, что самки помогают заботиться о потомстве несколько самцов: такое называется *полиандрией*. Еще «круче» у страусов: самец не только завлекает самок к гнезду, но и самостоятельно насиживает большую кладку, перемешивая яйца, а затем и водит страусят.

Кстати, такая система брачных отношений чуть было не стала дополнительной причиной вымирания африканских страусов в начале прошлого века. Поскольку ради роскошных перьев для дамских шляп преимущественно отстреливались самцы, многочисленные «овдовевшие» самки начали откладывать яйца в гнезда оставшихся в живых пап-страусов. Такие огромные, с чрезмерно большим числом яиц кладки даже страус был не в состоянии прогреть или защитить от солнца, в результате чего все эмбрионы погибали.

Пернатые вертихвостки

Возвращаясь к гнездящимся в Сибири птицам, нужно заметить, что особую головную боль орнитологам в этом смысле причиняют *кулики*. Едва ли не у каждого вида этих проворных крикливых птах — свои семейные причуды. Похоже, у куликов устоялось пока лишь одно: кладка у них состоит, как правило, из четырех яиц, уложенных в гнезде-лунке «конвертиком». Большинство куликов — моногамы, причем самцы участвуют и в насиживании, и в заботе о выводке. Но вот *бекас*-самец после вывода птенцов забирает у самки половину выводка и заботится о них отдельно.

Самки у других видов куликов — *кулика-воробья* и *белохвостого песочника* — доверяют насиживать первую кладку одному кавалеру, а вот вторую, после спаривания с другим самцом, насиживают уже сами. Самки у *поручейника*, *травника* и *щеголя* обычно перепоручают завершение насиживания и всю дальнейшую заботу о потомстве чадолюбивому супругу, а сами улетают далеко от мест гнездования. А вот самка *круглоногого плавунчика* и вовсе не знает, что это такое — насиживать. Ее дело — отложить кладку и забыть о ней, улетев далеко к югу. Заботы же о потомстве целиком ложатся на плечи папы-кулика: такова плата за мимолетную близость...

О птичьей интиме

И все же кладки, птенцы — все это лишь о вещественные следствия вполне определенного процесса размножения, при котором происходит оплодотворение, заветная встреча яйцеклетки со сперматозоидом. Следует признать, что в этом смысле птицам не осо-

Все чайки — моногамы. Самцы участвуют в постройке, охране гнезда, насиживании кладки и выкармливании птенцов. Спариванию предшествуют своеобразные танцы партнеров с поклевыванием перьев на шее или кончика клюва друг друга. Хотя самцы чаек несколько крупнее подруг, половую принадлежность особей можно достоверно установить только по положению в момент копуляции и при откладке яиц.

Чернохвостая чайка (*Larus crassirostris*), Приморье.
Фото А. Юрлова

бенно повезло. В отличие, скажем, от млекопитающих или насекомых, они не обладают специальными копулятивными органами, которые делают процесс оплодотворения более длительным и, так сказать, более запоминающимся для участников.

У большинства же видов птиц передача наследственного материала от самца к самке происходит стремительно — при кратком соприкосновении слегка вывернутых *клоак* (расширенных конечных участков задней кишки, куда у птиц выходят протоки мочеполовой системы). У самцов *воробьиных* в сезон размножения образуется особый выступ, называемый *клоакальным протуберанцем* и отдаленно напоминающий детородный орган млекопитающих.

Больше же всего в этом смысле «повезло» представителям семейства *утиных* (лебедям, гусям и уткам), у самцов которых внутри клоаки имеется соответствующий

вырост в виде штопора, приходящий в действие в нужный момент.

Любитель ушами и глазами

Незатейливость самого процесса оплодотворения, а также отсутствие *ольфакторных* (обонятельных) и *тактильных* (связанных с прикосновениями) стимулов, выводит у птиц на первое место среди способов коммуникации и привлечения брачных партнеров акустические и визуальные сигналы. Непревзойденные вокальные данные, сказочно-яркая окраска оперения, замысловатые танцы при токовании и при общении партнеров — все это с лихвой компенсирует у них непродолжительность интимных контактов.

Присмотритесь и прислушайтесь к тем же хорошо знакомым серым воронам или сорокам, гнезд которых

немало даже в черте города. Ведь звуки, издаваемые ими, не всегда являются противным карканьем или назойливым стрекотанием. И у таких надоедливых птиц голос бывает воркующим, благостным, даже томным. Самец серой вороны весной может подолгу раскачиваться на специально заломленной ветке на верхушке березы, вскидывая крыло и что-то напевая. Спариваться ворона приглашает партнера, как правило, на остатки снега в тени. Возможно, при соприкосновении со снегом горячего и припухшего, как волдырь, наседного пятна (лишенного перьев участка кожи на брюшке) самка испытывает особо приятные ощущения.

Гуси-лебеди

Интереснейшим объектом для изучения брачного поведения слу-

Фото А. Юрлова

Серая ворона (*Corvus cornix*) предпочитает устраивать свадьбу на остатках растаявшего снега. Берег Днепра, апрель. Фото М. Горпенюка

жат птицы из отряда *гусеобразных*. У уток-*шилохвостей* токование начинается еще осенью в районах зимовок. В это время стаи селезней и уток, у которых погибли кладки и которые прибыли на зимовку прежде успешно гнездившихся, перемешиваются друг с другом и стаями птиц-первогодков. Перелинявшие в брачный наряд, щеголеватые шилохвосты время от времени устраивают настоящие игрища и выяснение отношений. Наиболее характерные движения при этом — резкие вскидывания клюва от воды с посвистыванием. В состоянии такого перманентного токования стаи шилохвосты в апреле — начале мая, насвистывая и потрескивая голосом в полете, прибывают в Сибирь, где разделяются по парам, гнездящимся на расстоянии нескольких сотен метров друг от друга.

Как-то в конце апреля местные рыбаки принесли нам пойманного в сети селезня. Тот был истощен до состояния «кожа да кости». Когда, окольцевав и пометив цветной носовой пластинкой, селезня выпустили на озеро, он присоединился к группе токующих шилохвостей. В течение нескольких дней он даже и не пытался вступать в споры самцов за свободную самку, а только почти беспрерывно кормился. Но однажды, поощренный уткой, прежде отгонявшей от себя всех других самцов, селезень пошел напролом, вцепился клювом в клюв соперника и поборол-таки его! В качестве демонстрации превосходства наш герой повернулся набок, развернул крыло и издал победный свист, проведя клювом по маховым перьям. В последующие дни счастливая пара уже держалась особняком, а вскоре устроила гнездо на соседней пустоши.

ПТИЦЫ – УДИВИТЕЛЬНЫЕ СУЩЕСТВА, ПОКОРИВШИЕ ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ, – ВЫЗЫВАЮТ У ЧАСТИ ЛЮДЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ ФОТОГРАФОВ-АНИМАЛИСТОВ, ЧУВСТВА, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ НАЗВАТЬ ИНАЧЕ КАК СТРАСТЬ.

Максим ГОРПЕНЮК по профессии инженер-компьютерщик. Наблюдать живую природу любил с детства, а вот запечатлеть — техники подходящей не было. Все началось с подержанного телеобъектива, который друг привез из Америки. Отсняв всех пернатых в ближайшем парке и изведя на это сотни метров пленки, стал искать возможность попасть в более интересные дикие места. Так начались поездки по заповедникам: вместе с женой они проводили учет биоразнообразия птиц на о. Джарылгач, на Кара-Даге изучали хохлатых бакланов, в Черноморском заповеднике — серых цапель... Фотографии Максима регулярно публикуются во многих региональных журналах, входят в фотоальбом Карадагского природного заповедника, в Атлас птиц Москвы и Подмосковья

Пусть плод любви серебристых красавцев и похож на гадкого утенка, он — залог процветания чайачьей популяции.

Серебристые чайки (*Larus argentatus*). Крым, Карадагский природный заповедник. Фото М. Горпенюка

Браки на небесах

Вопрос о формировании пар у птиц вообще заслуживает отдельного обсуждения. У *крякв*, например, пары образуются еще с осени. Уже зимой — вне необходимости оплодотворять кладку! — селезень время от времени выполняет супружеский долг по согласию с подругой, а то и по ее инициативе. В данном случае копуляция не служит прямому воспроизведению, но является механизмом поддержания постоянных брачных отношений в паре.

Вспоминается, как в студенчестве довелось наблюдать за поведением полудиких крякв в хозяйстве родителей. В одну из весен селезень, как всегда, вместе с двумя утками оставленный на племя, вдруг взбунтовался и ни за что не стал оплодотворять ни одну из надоевших ему за долгую зиму сожительниц, хотя те время от времени напоминали ему о супружеских обязанностях, порой даже демонстрируя ему, бестолковому, как это делается. Он же почему-то воспылил страстью к соседской утке, которая овдовела и каждое утро извещала об этом округу яростным кряканьем.

Устоять перед таким призывом нашему селезню было невозможно. По утрам, когда открывали клетку, он стремительно мчался на свидание к «возлюбленной», преодолевая несколько заборов и даже научившись по такому случаю неплохо летать. Закончилось все тем, что обе наши утки, просидев на неоплодотворенных кладках положенные четыре недели, так и остались без выводков. Зато у соседей во дворе появился большой выводок крепких утят. По-видимому, и у пернатых браки заключаются чуть ли не на небесах...

* Цит. по Аксаков С. Т. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», М.: Сов. Россия, 1987

Селезень кряквы (*Anas platyrhynchos*) со своей подругой. Днепр, весенний ледоход. Фото М. Горпенюка

С. Т. Аксаков*

«...весна становится час от часу теплее, и полая вода сливает. Небольшие стаи кряков уток окончательно разбиваются на пары, понимаются (спариваются) и делаются смирнее, особенно потому, что подрастет трава и уткам можно прятаться в ней. Селезень, сладострастнейший из самцов, не отходит от утки ни на шаг, не разлучается с ней ни на минуту, ни за что прежде ее не слетит с места. Иногда утка полощется в какой-нибудь луже или щелочет носом в жидкой грязи, а селезень, как часовой, стоит на берегу или на кочке; охотник подъезжает к нему в меру, но утка не видит или не замечает ничего; селе-

зень пошевеливается, повертывается, побрякивает, как будто подает ей голос, ибо видит опасность, но утка не обращает внимания; один он не летит прочь — и меткий выстрел убивает его наповал. Утка улетает, не показывая никакого участия к убитому селезню. Совсем другое бывает, когда охотник как-нибудь убьет утку: селезень не только будет летать кругом охотника, не налетая, впрочем, слишком близко, но даже несколько дней сряду станет колотиться около того места, где потерял подружку. ...Если селезень, находясь при утке, увидит другого селезня, летящего к ним, то сейчас бросается навстречу

и непременно его прогонит, как имеющий более прав и причин храбро сражаться. Если к летящей паре пристанет холостой селезень, не нашедший себе еще дружки, то непременно последует драка с законным супругом на воздухе, сопровождаемая особым коротким живым криком, хорошо знакомым охотнику. Вид бывает живописный: оба селезня перпендикулярно повиснут в воздухе, схватив друг друга за шеи, проворно и сильно махая крыльями, чтоб не опуститься на землю и, несмотря на все усилия, беспрестанно опускаясь книзу. Победа также, сколько я замечал, оставалась всегда на стороне правого.»